

Дорогой земли виток — эпизод 3 из 5

На другой день конники колчаковские по нашему следу добрались, да семь винтовок потеряли. Ну, патронов у них тоже маловато было. Только по две запасных обоймы.

Поручик с ротой тоже подходил. У него хуже вышло. Он, видишь, сперва для устрашения видно, две пулеметных ленты израсходовал почем зря, — по таежному лесу. А наши охотники в ответ пулеметчиков сбили. В том числе и Фильку Храпова кончили. Тогда поручик решил, видно, нас измором взять, обложил наш таежный угол цепью. Только нам это вполгоря, потому хлебных припасов у нас дней на десять было, вода есть, и наши посменно отдыхали у костров, а тем приходилось маяться на холодной апрельской земле. Да у поручика и тем было хуже, что народ насильно мобилизованный, а наши по ночам кричат:

— Кому надоело за буржуев воевать, переходи к нам. Винтовку дулом книзу — примем. Кто больше патронов принесет, тому веры больше.

Кончилось тем, что наш отряд пополнился, а поручик с остатками роты еле ноги уволок, и пулемет у него — со сковородкой-то — отбили. По тому времени это штука немаловажная была. Потом, как опять на Тару вышли, про нас заговорили: «У них пулемет есть», и средняки, которые все еще в затылках чесали, как быть? — стали один по одному подходить к нам. Наш Исаич уж заподумывал, не пора ли на городок ударить.

В военном деле, конечно, не без урону. Были у нас убитые и раненые. Вскоре мы все узнали, что бабка Кумида — лекарка знатная. Как-то у нее и перевязка всегда найдется, и мази, и пластыри. Питье тоже из разных трав варила. Прямо сказать — полная аптека. Да еще что! Раньше я не верил этому, а тут воочию увидел, — могла она кровь останавливать. Коли рана верховая, по мякоти, бабка оголит это место на руке ли, на ноге, уставится на раненого глазами и начнет наговаривать. Слова будто ласковые, а глазами так и буравит, так и буравит. Глядишь, — кровь и остановится. После того перевяжет бабка рану натуго и даст своего питья, от которого человек сразу заснет. Спит долго. Выспится, день-два с перевязкой походит, — и здоров.

Дивились мы этому. Васю нашего спрашивали, в чем тут сила. Ну, он говорит, что слова тут ни при чем, а сила в бабкиных глазах. Ими она человека

покоряет, заставляет верить, что он здоров. Может, верно это, а только мне больше такой штуки видеть не доводилось.

Сказки бабки Кумиды тоже слышал. Она их сказывала без балагурства, без шуток-прибауток, а будто на деле так было. Ну, скажем: почему тобольскому купцу медвежья шуба обошлась, какой цветок у крестьянского начальника в саду вырос, как работник из хозяйского дома кривду выгонял. Послушаешь, — будто дело прошлое, а подумаешь, — как раз тебе это и сейчас надо. Вася Стриженный Ус эти кумидины сказки в свою книжечку записывал.

— Беспременно, — говорил, — надо эти сказки напечатать. Очень они полезные.

Напечатал ли, — это сказать не могу. Искал я такую книжечку. Охота было по ней и про Васю узнать. Ну, не нашел. Своих ребят и других высокограмотных спрашивал, — не знают. У нашей клубной библиотекарши — она по этому делу старуха дошлая — справлялся, тоже говорит, — не видала. Мне самому эти сказки, пожалуй, не рассказать. Одна только покрепче в голову запала. Эту и расскажу, как умею.

Вася Стриженный Ус — я уж это говорил — из москвичей был, и любил про Москву рассказывать, и всегда к тому сведет, что надо, дескать, этот город на особой примете держать. Раз так-то разговорился, а бабка Кумида тут же была. Послушала-послушала, да и говорит:

— Хорошо, Васильюшко, сказываешь. Послушать любо. Только иное слово и за обиду почесть можно.

Вася даже всполошился:

— Какая обида? В чем?

— А вот послушай нашу сибирскую сказочку, тогда и спрашивать не станешь.

Мы, которые при разговоре случились, поддакнули:

— Скажи, бабка Кумида.

Она и стала рассказывать. И тут в первый раз помянула про свои родные места.

— Родом-то я с дальней реки, с Амура. Если отсюда пойти, так раза в три дальше, чем до Москвы. Здесь жилья не густо, а в нашей стороне и того меньше. Ну, все-таки русский народ живет. И дальше нашего места городки и поселки есть. Вот ты и пойми, на что глядя, народ в такую даль забирался.

Стань распутывать, до Москвы доберешься. Малыми ватагами, чуть не в одиночку люди шли с одной надеждой, — Москва поддержит. Про нашего вон Атласова так рассказывают.